АКАДЕМИЯ АРХИТЕКТУРЫ СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ АРХИТЕКТУРЫ

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
Б. МИХАЙЛОВА, А. ПРИБЫТКОВОЙ, М. РЯЗАНИНА,
А. ЧИНЯКОВА, Ю. ЯРАЛОВА

Ду 210.

3

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛИТЕРАТУРЫ ПО СТРОИТЕЛЬСТВУ И АРХИТЕКТУРЕ
МОСКВА · 1953

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О ПАМЯТНИКАХ ЗОДЧЕСТВА УЗБЕКИСТАНА*

В. ВОРОНИНА

1. МЕЧЕТЬ В ХАЗАРА

Издалека на ровной степной местности виден своеобразный горбатый силуэт хазаринской мечети Деггарон [1].

Мечеть в Хазара, обнаруженная в 1934 г. экспедицией Государственного Эрмитажа и Узкомстариса под руководством А. Ю. Якубовского, состоит на государственной охране. Краткое описание памятника и план, снятый В. А. Шишкиным, содержатся в полевом дневнике А. Ю. Якубовского [2]. Впоследствии мечеть упоминается Б. Н. Засыпкиным [3]. Памятник фигурирует также и в зарубежной литературе [4]. Однако нигде не имеется подробного анализа его форм и детальных обмеров.

Осенью 1940 г. автором данной статьи при участии археолога С. Кабанова предпринято исследование памятника, произведена подробная фиксация и заложены шурфы с целью выяснения фундаментов.

Постройка находится у внешнего юго-западного угла цитадели городища на левом берегу Зеравшана. Древнее название городища не установлено. В его ремесленном пригороде существовало производство керамических изделий, главным образом, котлов (дег), и расположенный неподалеку мазар Аулие Деггарони связан, видимо, с культом покровителя местных гончаров. Этим очевидно объясняется и название мечети.

А. Ю. Якубовский датирует ее временем Исмаила Самани или более ранним. Основанием для датировки послужили: центрическая беспортальная композиция здания; его архитектурные формы; размер кирпича, тождественный кирпичу мавзолея Исмаила Самани; расположение здания у стен цитадели; отсутствие на городище керамики позже X в.

Надо заметить, что некоторые из перечисленных пунктов, по существу, не могут быть признаны достаточными доказательствами правильности датировки. Беспортальная композиция, хотя и не часто, фигурирует и в последующие века (например, мавзолей Шах-Фазиль в Сафид Буленде XIII в.). [Заметим, кстати, что восточная стена мечети выложена заново уже в XX в., хотя представляется наиболее вероятным отсутствие портала и в прошлом]. Размеры кирпича бухарского мавзолея не тождественны, а лишь близки хазаринскому. Но формы памятника действительно архаичны и говорят о древнем его происхождении. На вопросах датировки мечети мы остановимся ниже.

Ряд архитектурных и конструктивных особенностей придает сооружению исключительный интерес.

Древние постройки Средней Азии строились из битой глины и сырца. Строительная техника постепенно совершенствовалась. Но первый известный нам памятник из жженого кирпича относится только к X в. — это мавзолей Исмаила Самани в Бухаре.

Мечеть в Хазара (рис. 1) выполнена в смешанной технике: перекрытие и колонны сложены из жженого кирпича, тогда как стены — сырцовые. Некоторые оригинальные особенности заставляют видеть в этом памятнике своего рода конструктивный феномен. Очень своеобразны и формы памятника.

Мечеть Деггарон представляет в плане почти квадрат со сторонами по наружному промеру 15,0 *м* и 16,6 *м*, внутри — 13,75 и 12,25 *м* (рис. 2). Постройка увенчана девятью куполами, причем центральный господствует над остальными. Купола покоятся на стрельчатых арках, опирающихся на стены и четыре круглых массивных колонны внутри мечети (рис. 3). Сырцовые стены оштукатурены внутри и снаружи глиной с саманом. Купола из жженого кирпича в интерьере оставлены обнаженными, а снаружи покрыты глино-саманным раствором; арки и колонны затерты ганчем (алебастром).

Восточная часть постройки — три купола и стены под ними — позднейшего происхождения. По словам сторожа Узкомстариса Улугова, они возведены взамен рухнувших в начале XX в.

---

* Обмеры, чертежи, рисунки и фотографии выполнены автором за исключением № 25—28.

Рис. 1. Мечеть в Хазара. Общий вид с юго-востока

Причем купола сложены из старого квадратного, а стены из современного жженого кирпича на глине в пустошовку. Стены оставлены без штукатурки как внутри, так и снаружи.

Примыкающий к мечети с юга и востока айван, пристроенный одновременно с восточной стеной, не представляет интереса; под деревянные колонны его положены куски мраморных плит позднего происхождения (взяты, вероятно, с близлежащего кладбища).

Старые сырцовые стены мечети резко сужаются кверху: при высоте более 6 *м* они имеют у пола до 1,5 *м* ширины, а под куполами заканчиваются несколькими рядами жженого кирпича и не превышают 30 *см*. При подобной конструкции многовековая сохранность здания достойна удивления. Внутренняя поверхность стен остается отвесной и тем больший наклон получает внешняя, что вызвано необходимостью погасить распор арок и куполов.

Новая восточная стена имеет отвесную поверхность. На восток выходят дверь и два проема со ставнями. Проем южной стены позднейшего происхождения. Цоколь западной стены внутри здания образует оштукатуренную ганчем ступеньку, прерываемую посредине выступающим и также оштукатуренным михрабом (рис. 4).

Михраб существует в современном виде как будто недавно, и первоначальная его форма неизвестна. В северо-западном углу поднимаются три грубые ступени, отмечающие миmбар (кафедру).

Одна из архитектурных и конструктивных достопримечательностей мечети — ее колонны. Окружность их колеблется от 3,90 до 4,14 *м*, таким образом, поперечник составляет от 1,24 и до 1,32 *м*. Стволы колонн сложены из жженого кирпича чередующимися попеременно слоями: один ряд на ребро и три ряда плашмя, причем каждый из этих приемов кладки повторяется шесть раз. Поверхность кладки, произведенной на алебастре с затиркой швов, гладко отшлифованная, имеет приятную на вид фактуру. Современный уровень пола скрывает основание колонны, оставляя на виду только выступающее кольцо, существование которого в свое время натолкнуло нас на мысль о наличии базиса [5]. Действительно, при вскрытии пола обнаружен сильно профилированный базис в виде скошенной и слегка округленной подушки (рис. 5, 6), в основании его выпущен небольшой, граненого сечения полувал, выше ствол колонны охвачен упомянутым кольцом. Откос базиса сложен из кирпича на ребро, кольцо и валик — из кирпича плашмя. Поверхность гладко затерта и глянцевита. Под базисом находится квадратный плинт, сторона которого равна 2 *м*, он выложен из половинного кирпича на ребро (26 × 19 × 5 *см*) и оштукатурен по периметру алебастром. Капитель отсутствует. Пяты арок опираются на сплоченную из досок подушку толщиной 10 *см* (способ крепления углов указан в чертеже, рис. 7). Дерево сохранилось удивительно хорошо. Полная высота колонны, включая подушку, равна 3 *м*.

Между колоннами и от колонн к стенам перекинуты стрельчатые арки. До начала кривизны идет кладка из мелкого кирпича розового оттенка (21 × 21 × 3 *см*) уложенного плашмя.

Арки тимпаны и купола выложены из кирпича более темной окраски и более крупного (24 × 24 × 4 *см*), причем 10 рядов кладки

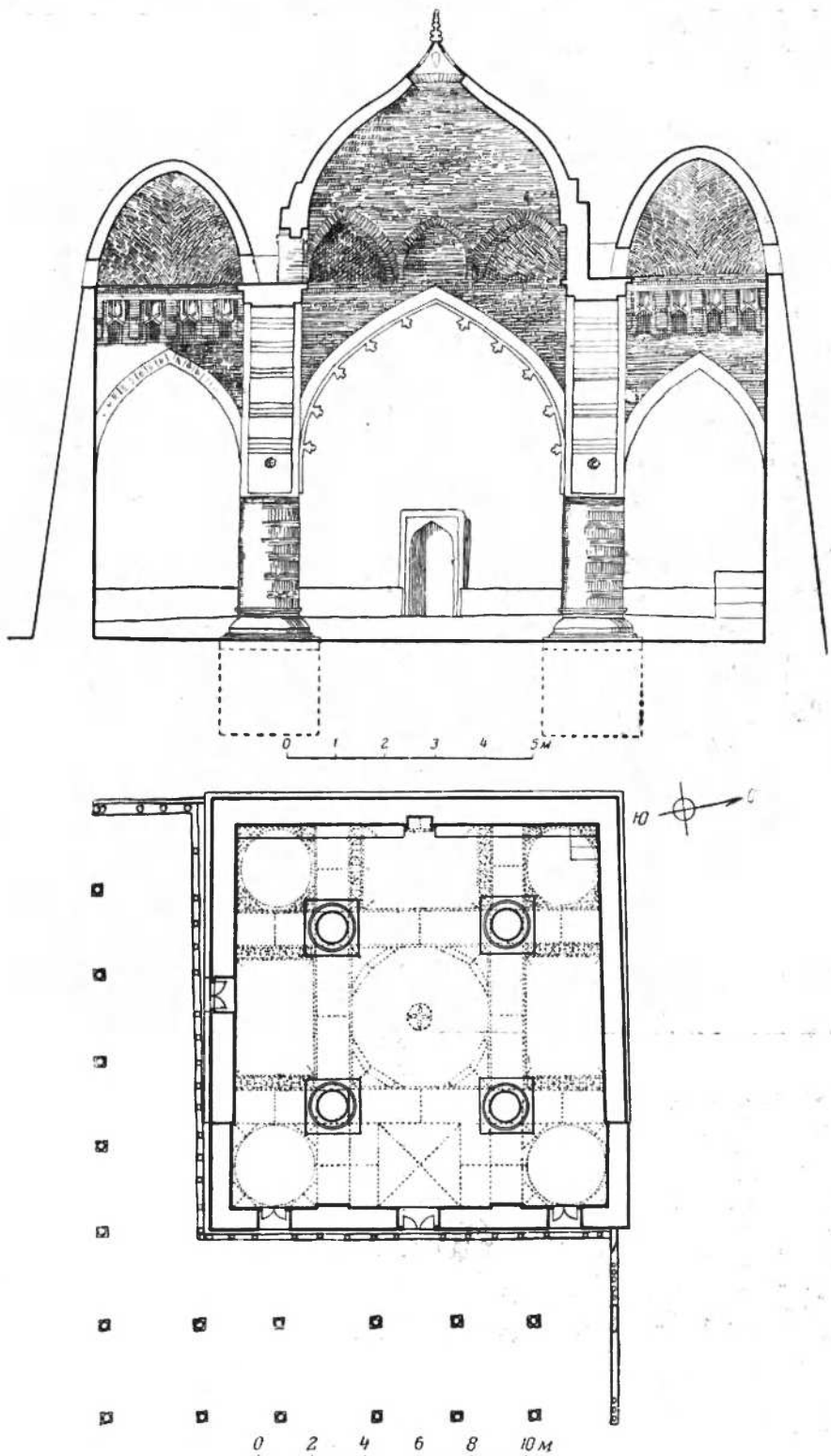

Рис. 2. Разрез и план мечети

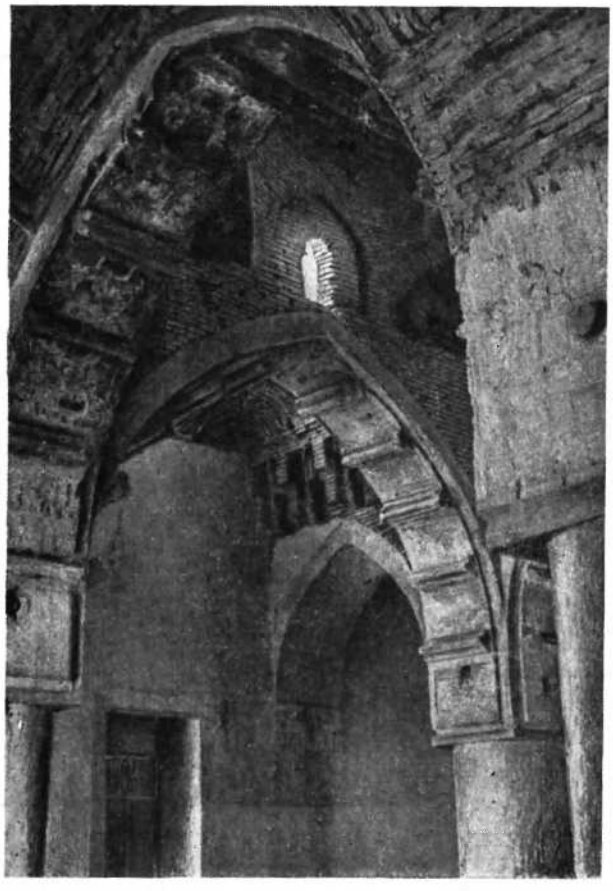

Рис. 3. Внутренний вид мечети

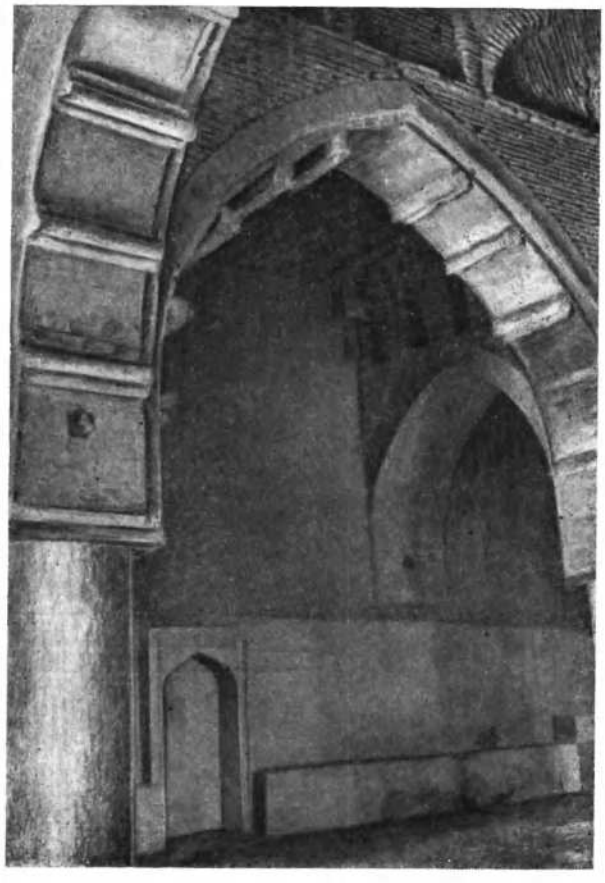

Рис. 4. Михрабная стена

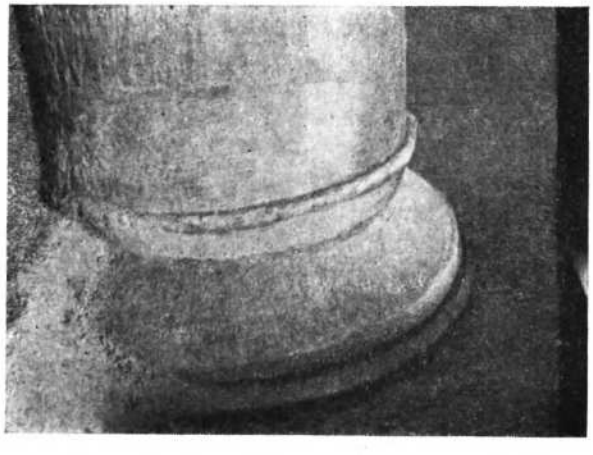

Рис. 5. База колонны

составляют 60 *см*. Арки выполнены на алебастровом растворе. На небольшом отрезке кладки, начиная от пят, кирпич положен по нормали к кривой арки; выше ряды кирпича параллельны плоскости арки, и кладка выполнена «поперечными отрезками»; ширина софитов арки равна 1,25 *м*. Поверхность кладки затерта алебастром. В основании больших арок остались следы брусьев-пальцев, на которые были положены подмости (см. рис. 3, 4).

Арки, несущие центральный купол, замечательны по оформлению: они снабжены своеобразными скульптурными украшениями (рис. 8). Выполнены эти детали следующим образом. К щеке арки приморожен алебастром плоский слой кирпича плашмя, шириной в 1 *м*. Четыре кирпича подряд выступают нормально щеке арки, причем два крайние закреплены в облицовку, а средние приморожены алебастром. К этим выступающим кирпичам с боков приморожены еще куски кир-

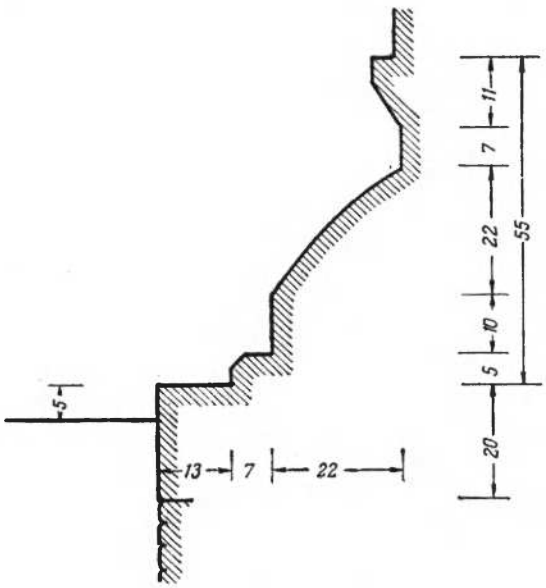

Рис. 6. Профиль базы

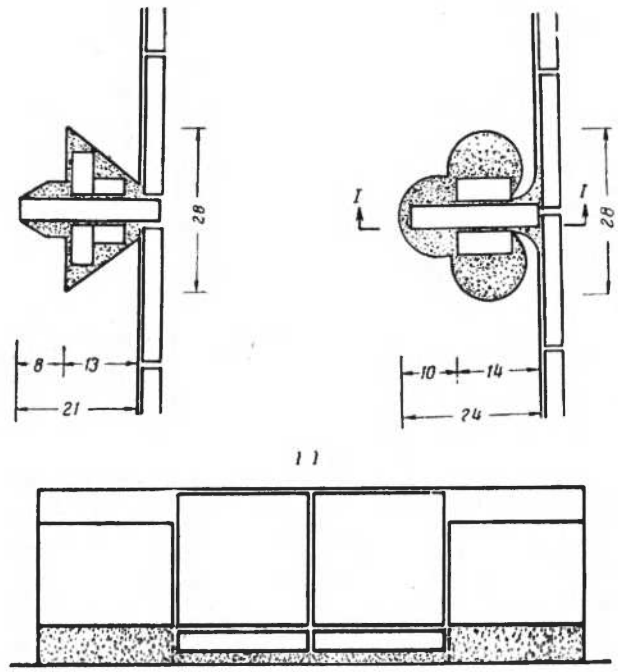

Рис. 8. Скульптурные украшения арок

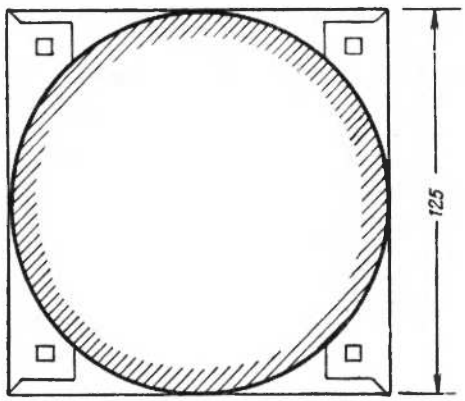

Рис. 7. Крепление деревянной подушки колонны (снизу)

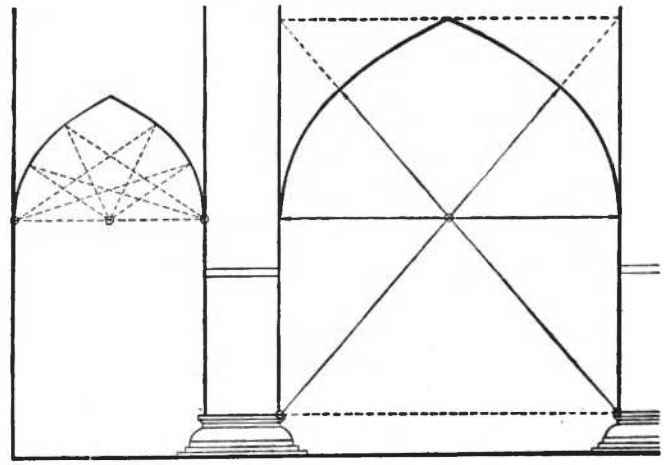

Рис. 9. Способ построения кривой арок

пича, что вместе с алебастровым наметом дает трехконечную в разрезе фигуру. Каждая половина арки несет пять таких наметов. Форма последних неодинакова: на южной и северной арках они имеют круглые окончания, почему контур их напоминает фигуру трилистника, на западной и восточной арках им приданы прямолинейные остроугольные очертания. Благодаря компактности формы первый вариант лучше сохранился. Подобных украшений не имеет ни один из известных нам монументальных памятников Средней Азии.

Хорошая сохранность арок позволяет установить способ построения кривой (рис. 9).

Большая арка построена из трех центров. Ее контур вписан в прямоугольник. Центр малых дуг лежит в точке пересечения диагоналей на уровне пят арки, а центры больших дуг в основании прямоугольника на уровне кольца базы. Построение кривой арки путем включения ее

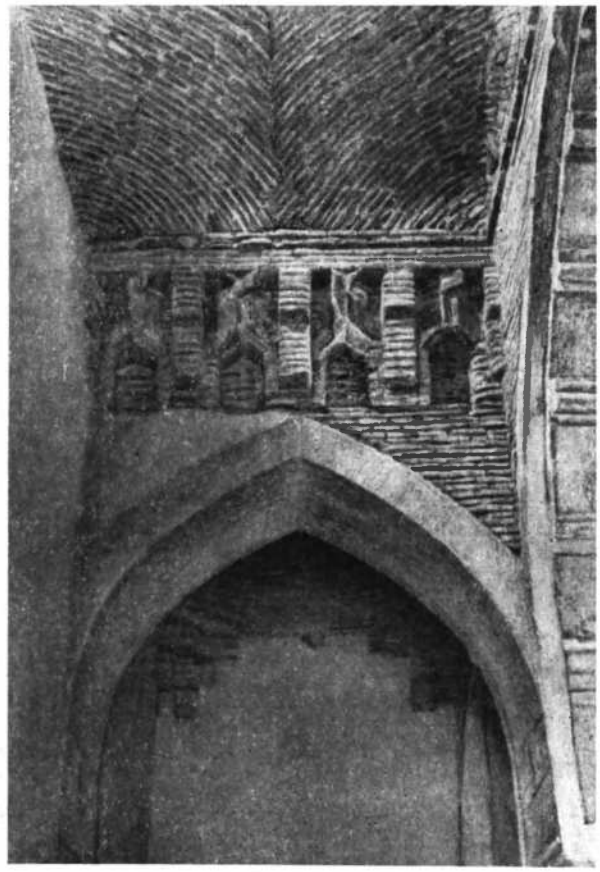

Рис. 10. Купол «балхи»

в прямоугольник практиковалось еще до арабского завоевания.

Кривая малой арки строится иначе. Здесь применен способ радиуса-вектора, но так же взятого из трех центров, причем один из них лежит на оси арки, другие — у ее пят.

Тимпаны арок сложены на глиняном растворе в пустошовку, купола — на алебастре. Кладка выполнена довольно небрежно: швы частью остались незаполненными, а в то же время местами белеет проступивший раствор. Куполам предшествует полочка из пары выступающих кирпичей. На стенах мечети полочка отсутствует.

Посредине южной, северной и западной сторон возвышаются купола «балхи» (рис. 10). Этот тип свода отличается простотой выполнения. Кладка идет наклонными рядами от углов и, смыкаясь посредине, образует два перекрещивающихся шва. В хазаринской мечети купола балхи имеют большой подъем — высота их превышает ширину пролета на одну четверть. Для того чтобы уменьшить длину пролета, над малыми арками устроены сильно вынесенные карнизы, выполненные своеобразной фигурной кладкой, которая представляет собой не что иное, как примитивные сталактиты.

Эти сталактиты исключительно интересны. Перед нами раскрывается картина возникновения формы под влиянием конструктивных требований. Здесь сталактиты играют действенную роль, поддерживая купол. Несколько столетий спустя они превращаются в изразцовую или алебастровую декорацию.

Сталактиты куполов балхи в мечети Хазара имеют весьма оригинальный вид (рис. 10, 11): четыре ниши перекрыты кирпичом, уложенным наподобие карточного домика, над ними кладка выступает углом и заканчивается приморожен̈ной алебастром кирпичной фигурой «ласточкина хвоста». Между нишек выступают ступенчатые кирпичные кронштейны. Сталактиты южного и северного куполов одинаковы, но несколько отличаются от сталактитов западного купола, где верхняя часть кронштейнов снабжена округлым желобком, превращающим обрамление нишек и непрерывную ленту, а «ласточкин хвост» имеет ступенчатую форму (рис. 11). Можно предполагать, что карнизы несуществующего теперь восточного купола имели ту же особенность, т. е. было соблюдено, как и в арках, сходство деталей противолежащих частей зала.

Кронштейны сильно пострадали и нигде не сохранились целиком. Сталактиты хазаринской мечети имеют мало общего с той изящной формой из алебастра или камня, которую мы привыкли видеть в памятниках последующих веков. Они крупны, так как модулем служит целый кирпич. Тем не менее нужно признать в них прототип изысканных декоративных фестонов, украшающих более поздние архитектурные произведения.

Купола юго-западного и северо-западного углов мечети кольцевой кладки имеют сфероконическую форму и большой подъем. Основание куполов опирается на замки малых арок. Переход от углов к куполу осуществлен простыми, но красивыми сталактитовыми парусами (рис. 12). Сталактиты юго-западного и северо-западного куполов несколько различны по деталям.

Центральный купол мечети покоится на тромпах, которые перемежаются с плоскими арочными нишами (рис. 13). Конструкция архаична и своеобразна: тромпы утоплены в оболочку купола и разбиты по принципу двенадцатигранника, а не восьмиугольника, так что их архивольты лежат

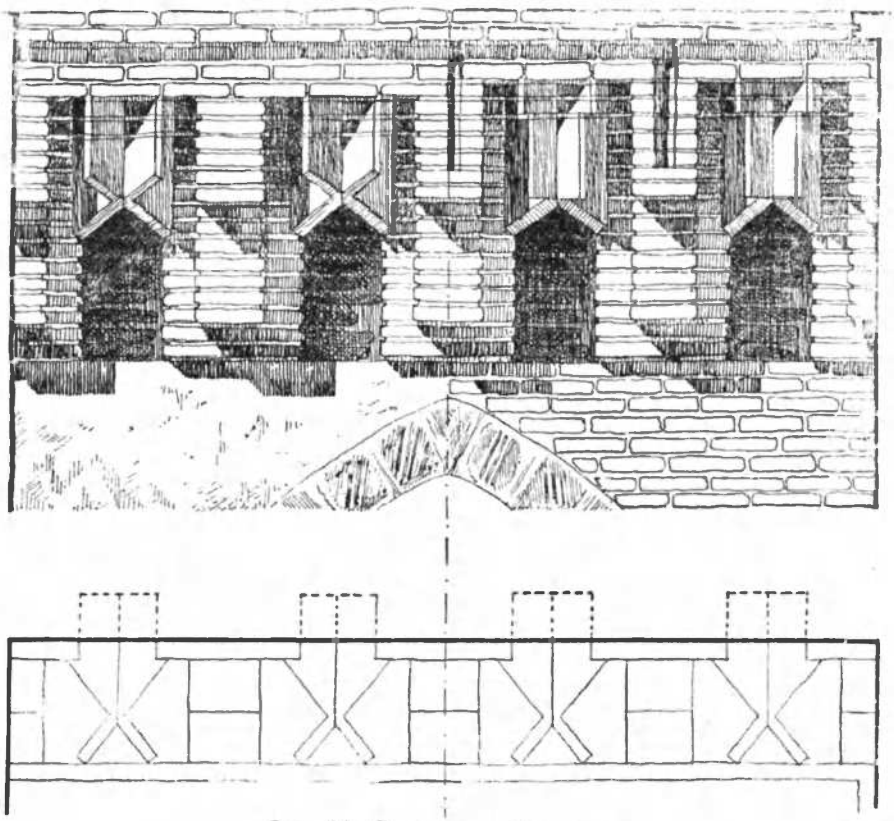

Рис. 11. Сталактитовый карниз

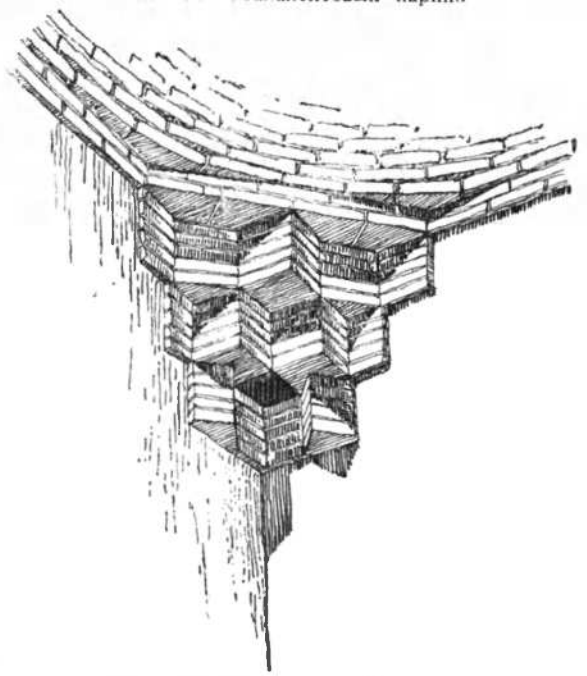

Рис. 12. Сталактитовый парус

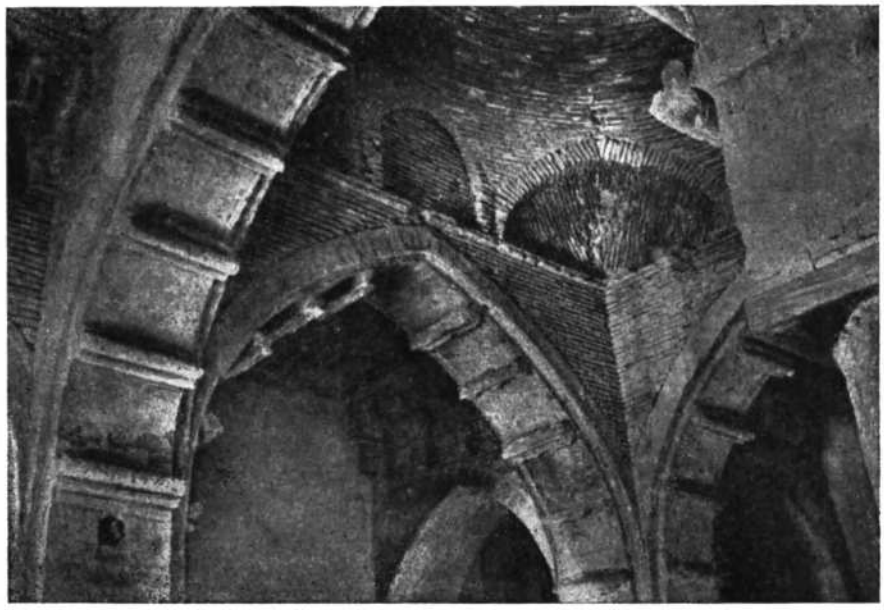

Рис. 13. Главный купол мечети

не в одной плоскости. Тромпы выполнены в форме сомкнутого свода, сложенного отрезками с наклоном к архивольту. Сравнительно с деталями периферийных куполов они сделаны несколько примитивно, и можно подумать, что мастер был непривычен к этому типу конструкции. Однако нельзя не согласиться, что центральному залу приличествует именно такое строгое оформление, оставляющее впечатление цельности, и что сталактитовые детали внесли бы дробность.

Основание купола имеет толщину в два кирпича, но уже недалеко от основания кладка через промежуточные ступени сведена к толщине в один кирпич. В верхней части купола поверхность кладки меняет кривизну и несколько отгибается вверх, причем в зените оставлено круглое окно [6]. Кольцо окна выложено из половинного кирпича размером 19×26 *см*. Отверстие защищено алебастровым фонарем с четырьмя удлиненными прорезями. Фонарь увенчан керамическим поливным навершием в виде ряда нанизанных на стержень шаровидных фигур. И фонарь и навершие относятся, очевидно, к позднему времени.

На южной стороне в основании купола прорезано окно. Южный и северный купола балхи имеют по два окна, из которых ближайшие к главному куполу теперь заложены. В других куполах проемов нет.

Мастера, отстроившие заново в XX в. восточную часть мечети, не повторяли старых форм покрытия, а руководствовались совсем иными техническими приемами (рис. 14). Единство архитектурного облика здания, таким образом, оказалось нарушенным. Новые купола, однако, выполнены искусно и тщательно. Средний купол восточной стороны опирается не на сталактитовые карнизы, а на арки с наклонной щекой, которые сводят пролет к квадрату. Конструкция этого купола не может быть подведена под какую-либо рубрику, но ближе всего она по характеру подходит к вспарушенному крестовому своду. Крайние купола на щитовых парусах представляют обычную конструкцию — так называемую «чор-равок». Кладка куполов выполнена тщательно и раствор из швов не выступает. Кромки арок и парусов представляют собой алебастровые кружала и удачно подчеркивают рисунок конструкции.

Тяжесть покрытия падает на стены и колонны. Толщина старых стен вверху ничтожна мала, поэтому распор, вызываемый сводами, особенно опасен. Именно с целью смягчения распора периферийные купола получили высокий подъем. Помимо непосредственного давления крайних куполов, стены воспринимают вес и распор покрытия через арки. Поскольку участки стены под пятами арок являются особенно ответственным

местом, можно было бы предположить, что они выложены из жженого кирпича. Но это лишь отчасти соответствует действительности: если под пятой арки, видимые снаружи на протяжении 72 *см*, идут ряды жженого кирпича на глине, то ниже начинается сырцовая кладка. Исследование стены показало, что такое распределение характерно для всех арок.

С целью выяснения фундаментов мечети были заложены три шурфа. Два из них — внутри здания: вдоль южной стены (западнее двери) на протяжении 3 *м* и у основания северо-западной колонны. При шурфовании обнаружен глинобитный первоначальный пол здания, лежащий на 40—50 *см* ниже современного пола и на 5 *см* ниже верхнего уровня плинта колонны. На 10 *см* выше древнего пола различается еще один, несколько более позднего происхождения, с глиняной затиркой. Шурф у стены выявил цоколь высотой 1,17 *м*, сложенный двояким способом: нижняя его часть на высоту 33 *см* состоит из камня на глине (речные голыши, обточенные водой, и конгломераты), остальная часть — из жженого кирпича на глине. Основание цоколя совпадает с уровнем первоначального пола.

У двух других стен прощупывается цоколь примерно той же высоты. Ширина цоколя заподлицо с внешней и внутренней поверхностями стен. Фундамент мечети был глинобитным. Этот прием практикуется до сего времени в местном жилом строительстве, а также встречается и в монументальных памятниках.

Однако наружный раскоп у северо-западного угла здания открыл фундамент, сложенный из речного камня, конгломератов и кирпичного лома на глине. Кладка небрежная с большими прослойками раствора. Глубина заложения фундамента в этой части здания — около 80 *см*. Структура цоколя здесь почти та же, что и у южной стены — 75 *см* кирпичной кладки, а под нею каменная, которая неотделима от кладки фундамента. Общая высота кладки из камня вперемежку с кирпичом составляет 1,20 *м*. Наличие каменного фундамента в этой части здания имеет естественное объяснение. Северо-западный угол мечети лежит близ угла цитадели, причем к западу грунт понижается; таким образом, дождевая вода, скопляясь между стенами цитадели и мечети, находит сток именно в эту сторону, почему и потребовалось усиление фундамента. С юга и востока уровень грунта мало отличается от современного уровня пола.

Если фундаменты стен не представляются особенно мощными, то совсем иначе обстоит дело с фундаментами колонн. Раскопки у северо-западной колонны показали, что основание фундамента находится почти на 2 *м* ниже первоначального уровня пола. Под плинтом колонны — три ряда кирпича плашмя на алебастре, ниже идет кладка из кирпичного лома на глине. На глубине полуметра от плинта лежит каменная плита, представляющая собой случайное включение. Высота фундамента (включая три слоя кирпича плашмя) составляет 1,80 *м*, ширина его, равная стороне плинта, — 2,00 *м*.

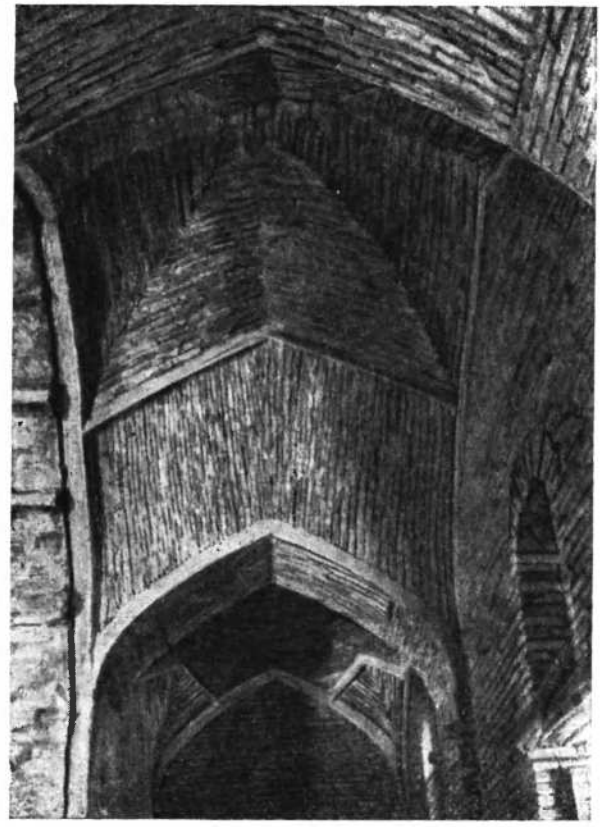

Рис. 14. Новые купола восточной части мечети

Наличие мощного фундамента под колоннами помогает установить статический принцип конструктивной схемы здания. Колонны и арки составляют основную несущую конструкцию, тогда как стены выступают в качестве второстепенного элемента. Поэтому-то под пятами арок положено столько рядов жженого кирпича, сколько необходимо для сведения тяжести пят на уровень, где сырцовая кладка стен в силу ее уширения вниз становится достаточно прочной. Относительно хорошую сохранность памятника, принимая во внимание его возраст, следует отнести

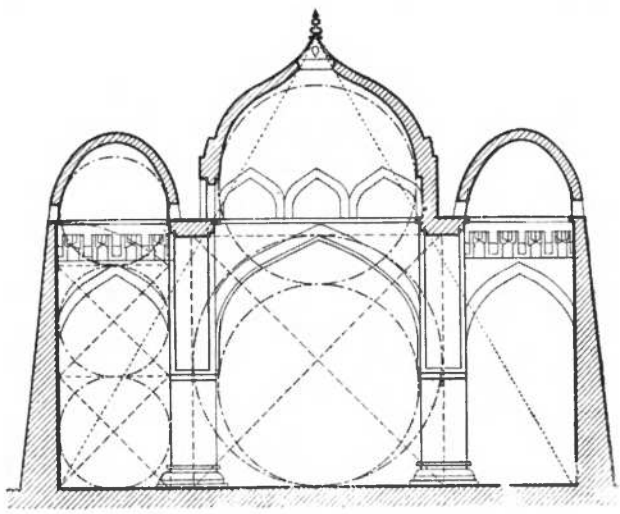

Рис. 15. Пропорции интерьера мечети

почти целиком за счет капитальной системы колонн и арок — этого конструктивного костяка здания.

В целом конструктивная система мечети стройна, логична и не загромождает внутреннего пространства здания. Основные габариты интерьера: ширина по оси север—юг — 13,40 *м*, центральное пространство — 5,40 × 5,40 *м*, высота от пола (древнего) до зенита главного купола — 11,30 *м*, высота купола балхи — 9,50 *м*.

Пропорции внутреннего пространства подчинены известным математическим закономерностям. Система основных членений мечети (рис. 15) сводится к следующему *. В основе композиционных построений лежит квадрат, что отвечает прежде всего общей конфигурации плана. Расстояние между осями колонн приближается к половине ширины здания (отклонение — 20 *см*). Высота большой арки равна расстоянию между осями колонн. Высота колонны, включая подушку, равняется пролету малой арки, а высота последней (включая архивольт) составляет удвоенный пролет, т. е. вписана в прямоугольник с высотой, равной двум пролетам. От подушки до венчающей полочки откладывается диагональ квадрата, построенного на пролете малой арки.

Таким образом, соотношение всех частей здания отнюдь не случайное, но следует определенной метрической схеме.

Следов ганчевой штукатурки на стенах нам обнаружить не удалось. Очевидно, стены были покрыты глиной с саманом и лишены декорации. Судить о первоначальном виде михраба по имеющимся данным нельзя.

Наслоение пола, скрывающее базы колонн, не только портит последние, но искажает пропорции здания.

В целом, несмотря на перестройки, здание оставляет впечатление цельности. От его мощных, суровых форм веет глубокой древностью.

Формы его в своей гармонической простоте полны своеобразного очарования. Однако мечеть принадлежит к тем сооружениям, которые при скромном внешнем оформлении концентрируют выразительные средства архитектуры в интерьере. Таких памятников в Средней Азии немного. К ним, кроме хазаринской мечети, относится между прочим замечательный мавзолей XIII в. в Сафид-Буленде (Фергана), где лаконичность внешнего облика сочетается с богато украшенным — тончайшей резьбой по ганчу — интерьером. Внешняя сдержанность не исключает объемной выразительности, которой обладает в известной мере каждый из названных памятников.

Мечеть в Хазара при гладкой и строгой поверхности стен привлекает взгляд скульптурным своеобразием куполов. Но особенно художественно выразителен интерьер мечети. Перед нами архитектура суровая и ясная, мощная и в то же время стройная.

Декор здесь отсутствует, но об этом не приходится жалеть, так как суровому стилю сооружения не к лицу вычурность. Единственное неконструктивное украшение, которое допустил здесь зодчий, — это рельеф на арках.

* * *

Где обрела свои формы мечеть, какие образцы вдохновляли строителей этого замечательного памятника?

Прежде всего интересно установить корни своеобразного типа девятикупольного зала с четырьмя столбами.

Тип мечети с круглыми кирпичными опорами был, очевидно, достаточно распространен в Средней Азии IX—XII вв. По крайней мере, кроме мечети Деггарон, известно еще два таких памятника: четырехстолпная Чор-Сутун древнего Термеза и шестистолпная Магоки-Аттари в Бухаре XII в. (под которой прослеживаются остатки такого же здания IX—X вв.)[7]. Нас в данном случае интересует четырехстолпный вариант. Последний ни в какой степени не соответствует дворовому типу ранних арабских мечетей, а равным образом не встречает подобия среди извест-

* Расчет ведется от первоначального уровня пола (рис. 15).

ных иранских памятников раннего средневековья (хотя многостолпные мечети там были обычны); таким образом, не вызывает сомнений его связь с местной доисламской традицией храмовой архитектуры.

Об архитектуре домусульманских храмов на территории Средней Азии известно пока еще очень мало. Первыми достоверными памятниками храмового зодчества являются два здания VII в. на городище древнего Пянджикента, открытые раскопками 1947—1950 гг.[8]. Храмы принадлежали, повидимому, некоей местной разновидности манихейского или зороастрийского культа. Основной частью храмов Пянджикента является четырехстолпный зал. Несмотря на то, что этот зал имел деревянные колонны и свободно открыт с восточной стороны, местная преемственность форм хазаринской мечети подтверждается.

В литературе встречаются сравнения мечети Деггарон с сасанидским святилищем огня, в частности, с храмом близ Гира[9]. Сходство двух названных памятников очевидно. Хотя архитектура мечети представляет крупный шаг вперед в смысле облегчения конструкций, расширения внутреннего пространства и обогащения деталей, в композиции внутреннего пространства налицо принципиальная общность: система четырех опор, связанных между собой и со стенами арками, купола в центре и по углам.

Не устанавливая каких-либо прямых связей и заимствований, мы в данном случае объясняем это сходство общностью функциональной программы храмов огня древнего Ирана и Средней Азии.

Сам по себе образ хазаринской мечети отнюдь не связан с чужеземными образцами. Естественно полагать, что подобный храмовый тип сложился на почве Средней Азии, которая была колыбелью зороастризма[10]. Традиции огнепоклонничества до последнего времени находят выражение в алоу-хона таджиков Памира и Припамирья. Наконец, идея четырехопорного центрально-купольного здания могла опираться на традиции жилищной архитектуры тех же местностей, где доныне бытует тип дома с четырьмя колоннами и бревенчатым куполом. Форма последнего находит кое-где отголосок в народной архитектуре на равнинах. Таким способом строились и культовые здания.

Рассматривая идею четырехстолпного зала независимо от функции и конструкции, нужно отметить ее универсальность и весьма широкое распространение в древнем зодчестве Ближнего Востока (ахеменидские дворцы и храмы, четырехколонный зал парфянской Нисы и др.)[11].

Четырехстолпная купольная композиция сыграла большую роль в архитектуре Закавказья. Характерная схема жаматуна, притвора армянского храма,—квадратное помещение с четырьмя массивными круглыми колоннами, несущими купол с отверстием в зените. В качестве иллюстрации можно назвать жаматуны Санаина, Папака и Рузуканы в Гегарте и многие другие. Жаматуны характерны для армянского зодчества XI—XIII вв.

Таким образом, можно констатировать, что архитектурно-конструктивный тип четырехстолпного зала с верхним светом, берущий начало в глубокой древности, получает развитие на территории Средней Азии и Закавказья. Первый и второй варианты при наличии известных локальных особенностей обладают принципиальным сходством. Приходится допустить, что тот и другой имели общие истоки.

Существовала, ныне опровергаемая, версия о происхождении жаматунов от архаического жилища типа «дарбази»[12]. Не вдаваясь в обсуждение доказательств, отметим лишь наиболее в данном случае существенное, что одна из важнейших особенностей жаматуна — имитация в камне бревенчатого купола — несомненно связана с указанным типом жилищ. Тем самым сходство хазаринского памятника и жаматунов объясняется генетически.

Тип четырехстолпного храма находит место также в древнерусском зодчестве, у древних славян и далее на запад, но в данном случае не имеет смысла заниматься сопоставлением[13].

В среднеазиатском строительстве из жженого кирпича конструкция арок на колоннах не получает развития. В качестве достоверного примера таковой могут быть названы мечеть Биби-Ханым (1399 г.) с колоннами из мрамора и песчаника, поздняя многокупольная мечеть в Газгане с круглыми колоннами из мрамора и мечеть Атаулла-хан-тура в Намангане XX в. с куполом на четырех круглых кирпичных столбах, орнаментированных изразцами. Среди построек XIX—XX вв. девятикупольные мечети встречаются редко, причем обычно купола разного диаметра опираются на пилоны квадратного сечения (мечеть Сеид-Бая в Хиве).

Останавливаясь на стилистических и конструктивных особенностях мечети Деггарон, следует сказать, что со стороны конструктивной мечеть стоит особняком, не встречая полных аналогий среди памятников Средней Азии. Монументальные здания со столь оригинальной системой сырцовых стен, опор, арок и куполов жженого кирпича неизвестны.

По своим архитектурно-декоративным качествам мечеть Деггарон в совокупности своих форм не сближается с каким-либо из памятников Мавераннахра. Ее не связывает стилистическое родство и с мавзолеем Исмаила Самани: здесь суровый аскетизм, полное пренебрежение к отделке стен и внешней нарядности, там — интенсивная насыщенность кирпичным орнаментом внутри и снаружи здания. Общим свойством является лишь наличие обнаженной фактуры жженого кирпича, типичное для домонгольского зодчества вообще. Тем не менее между обоими памятниками существует связь известного рода — через единый источник, вдохновлявший видимо в той или иной мере их строителей.

Дело в том, что в мавзолее Исмаила Самани маленькие угловые куполки рудиментарного характера являются как бы отголоском девятикупольной системы, а игрушечная галерейка с аркатурой по верху стен, в свою очередь, весьма походит на рудимент круговой галереи храмов огня; в хазаринской мечети этот элемент растворяется в пространстве интерьера, здесь же вынесен за ненадобностью вверх, служа декоративным целям и отчасти для освещения.

Герцфельд считает, что в Иране первые мусульманские мавзолеи строились по образцу храмов огня, причем в центре помещалось надгробие, а галерея вокруг центрального пространства служила для ритуального обхода. Шредер также отмечает родство мавзолея Исмаила Самани с храмом огня [14]. Но в настоящем виде мавзолей близок более простому типу однокупольного святилища с квадратным планом без опор и четырьмя открытыми арками [15].

Так или иначе непосредственной близости композиционных приемов мавзолея и мечети не существует. Нельзя обнаружить сходства ее с соседним Рабат-и-Малик (XI в.) и мавзолеем Мир-сеид-Бахром в Кермине (X—XI вв.). В более отдаленных территориально и хронологически монументальных памятниках Мавераннахра искать параллелей также было бы напрасно.

Формы мечети Деггарон тяготеют, напротив, к архитектурному стилю Северного Хорасана времени владычества сельджуков, о чем свидетельствует сопоставление их с чертами рабата Дая-Хатын на левом берегу Аму-Дарьи в 170 км от Чарджоу (древнего Амуля) [16], публикуемого А. М. Прибытковой. Разумеется сходство нужно искать не в планировке и общей композиции, поскольку здания несли совершенно различные функции.

Сопоставление деталей мечети Деггарон с соответствующими конструкциями Дая-Хатын показывает замечательное сходство тех и других. Эти детали — сталактитовые паруса и карнизы.

Прежде всего бросается в глаза близость сталактитовых кронштейнов мечети и карнизов одного из купольных помещений рабата. Правда, формы сталактитов мечети гораздо более развиты, продуманы, деталированы (здесь и многоплановый вынос кирпича, и ниши между кронштейнами) (см. рис. 11); карнизы же рабата представляют стопки кирпича над зубчатой линией кирпичей углом (см. рис. 10 ст. Прибытковой). Кроме того, карниз мечети вдвое больше по высоте и занимает 18 рядов кладки, тогда как в Дая-Хатын их только 9. Главное же заключается в том, что подобный тип карниза известен только в двух описанных случаях.

Формы сталактитового паруса в мечети и рабате равноценны по степени детализации, однако здесь мастер уделял внимание, главным образом, друзе сталактитов (см. рис. 12). там — венчающей полочке (см. рис. 11 ст. Прибытковой). Что касается собственно сталактитов, они равно состоят из трех ярусов по три кирпича, но в Дая-Хатын имеют вид правильных кубиков, а в Хазара менее рельефны, но более затейливы, с вырезом в нижней грани.

Двенадцатигранное членение подкупольной конструкции мы видим в другом памятнике Северного Хорасана — мавзолее Абуль-Фазля в Серахсе XI в. [17]. Но сама по себе купольная конструкция без выделения пояса тромпов совершенно архаична и находит подобие в формах сасанидского Ирана, древнего Хорезма (замок № 36 Беркут-калинского оазиса, VIII в.) и Афрасиаба [18].

Анализ других деталей мечети Деггарон уводит к совершенно иным сферам зодчества.

Замечательно интересной деталью являются, без сомнения, оригинальные рельефные украшения арок. Их смысл выясняется из сопоставления с некоторыми другими среднеазиатскими памятниками. Прежде всего в связи с деталями арок мечети, безусловно, должен быть назван известный искодарский михраб из долины Зеравшана, один из прекраснейших и самых ранних образцов резьбы по дереву в Средней Азии (X—XI вв.)[19]. Арка михраба снабжена изящными ажурными трехконечными фестонами. Данный образец декоративной формы не был единственным в Средней Азии, о чем свидетельствует рельеф найденного в Самарканде очажка с такой же фестончатой аркой [20].

Зубчики арок хазаринской мечети не что иное, как исполненный в кирпиче вариант подобных фестонов. Поскольку материал не поз-

ляет воспроизвести форму в точности, фестоны перемежаются не дугами, а плоскими участками.

В других памятниках встречаются примеры фестончатых арок без трилистников, например, в михрабе Месшеди-Мисриан (X в.), в тромпах мавзолея Шах-Фазиль в Сафид-Буленде (XIII в.), в резном деревянном надгробии Сейфеддина Бохарзи (XIV в.).

Если в композиции мечети Деггарон обнаруживается сходство с армянскими жаматунами, то такая деталь, как фестоны арок, находит любопытные параллели и в армянском и в грузинском средневековом зодчестве, где фасады храмов членятся фестончатыми арочными нишами. Форма трехлопастных фестонов, выполняемых в камне, совершенно подобна хазаринским. Тот же прием находит место в интерьере храмов (арки иконостаса грузинских церквей Саване и Спети). Манера украшения арок фестонами сохраняется в грузинской архитектуре до XX в. (балконы жилых домов в Тбилиси).

Своеобразная интерпретация в кирпиче античного профиля базы является поздним отголоском эллинистической архитектуры Бактрии и Парфии, которая оставила в Средней Азии многочисленные образцы и подражания. В этой связи необходимо вернуться к армянским жаматунам и отметить большое сходство их колонн с опорами мечети, которое распространяется на все их детали (ствол, плинт и абаки, за исключением капители, которой в мечети нет, и с тем отличием, что абака в Хазара деревянная), и должно быть объяснено, видимо, воспроизведением там и здесь традиций классики. Если не считать базы, структура колонн мечети Деггарон весьма напоминает круглые столбы ранних иранских мечетей.

* * *

Вернемся к вопросу датировки памятника.

Одни параллели связывают его с архитектурой XI в. (формы сталактитов), другие — с формами раннего средневекового зодчества (конструкция главного купола), третьи уводят вглубь веков (планировка, эллинистический облом базы).

При определении даты постройки и проведении стилистических параллелей следует особое внимание обратить на более поздние среднеазиатские памятники — сооружения Хорасана, искодарский михраб и др. Характерно также наличие в кладке мелкого кирпича караханидского типа.

Архаические черты в облике мечети могут быть объяснены устойчивостью местных традиций. Еще в X в. на главной площади Бухары продавали идолов; известны зороастрийские погребения XII—XIII вв.[21]. Можно с большой долей уверенности сказать, что древние резные колонны Зеравшанской долины принадлежали первоначально доисламским храмам.

Исходя из всего вышесказанного, мы считаем возможным предположить датировку более позднюю, чем принятая Якубовским,—а именно первая половина XI в.

Так или иначе, мечеть в Хазара, занимает видное место в ряду самых выдающихся произведений среднеазиатского зодчества. В ней сочетается ряд коренных приемов местной доарабской архитектуры с глубокими пластами древней культуры Средней Азии. Вместе с тем в разноречивых формах здания, слитых чудесным талантом строителя в цельный гармонический образ, чувствуется напряженное творческое искание новых путей развития архитектуры.

2. ПАМЯТНИКИ ШАХРИСЯБЗА

В Шахрисябзе или Кеше, где начиналась политическая карьера Тимура, остался ряд архи-

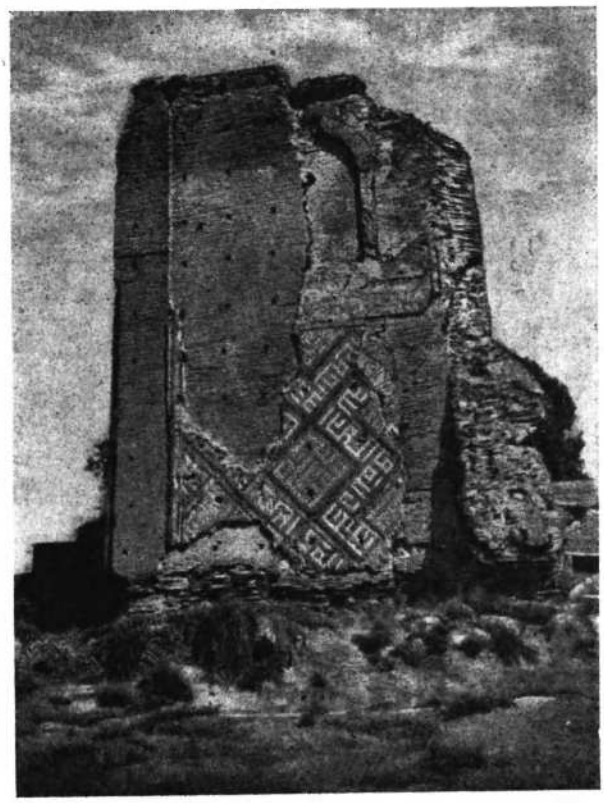

Рис. 16. Руины портала «Ханаки Тимура». Вид с юга.

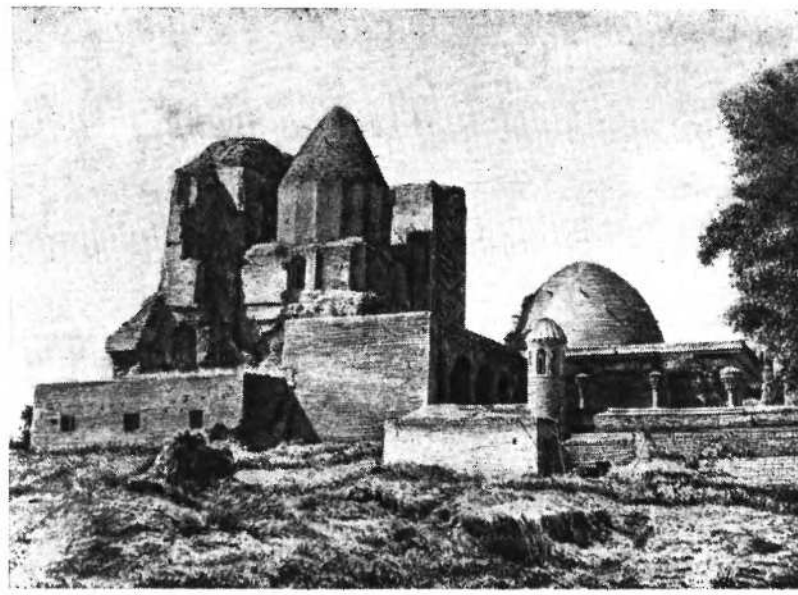

Рис. 17. Мавзолей Хазрет-и-Имам. Вид с северо-востока

тектурных памятников, относящихся к строительной деятельности Тимура и его наследников. Эти памятники: мечеть Улугбека (Кок-Гумбаз), мавзолей Гумбаз-и-Сейидан, мавзолей Хазрет-и-Имам и замечательный по архитектуре склеп, не сохранивший наземной постройки, — в основном расположены в юго-восточной части города.

Издали привлекает взор величавая и странная руина, представляющая фантастическое сочетание объемов (рис. 16, 17). При осмотре становится ясным, что этот колосс — остаток одного из пилонов портала, принадлежавшего зданию столь же грандиозному, как и дворец Тимура Ак-Сарай у северных ворот Шахрисябза. Пилон заключает в своем массиве мавзолей с коническим куполом, известный под именем Маркад-и-Хазрет-и-Имам. На небольшом расстоянии по направлению к юго-востоку расположен склеп. Взаимное расположение пилона и склепа позволяет сделать вывод, что оба они принадлежали к одному комплексу. Устанавливаемая таким образом связь между ними дает основание рассматривать их совместно.

Здание, которому принадлежал монументальный пилон, Б. Н. Засыпкин еще до открытия (в 1934 г.) склепа отождествляет с «мечетью» Тимура, описанной испанским послом Клавихо [22]. Это было сооружение комплексного типа, совмещавшее функции ханаки и мавзолея. Следовательно, склеп принадлежал ханаке Тимура.

Г. А. Пугаченкова, проводившая совместно с М. Е. Массоном в 1942 г. обследование памятников Шахрисябза, определяет Хазрет-и-Имам как усыпальницу цесаревича Джахангира, построенную в 70—80 гг. XIV в., а склеп, как капеллу, назначенную для погребения самого Тимура (который в силу обстоятельств был похоронен в Самарканде)[23]. Другого мнения придерживается Я. Г. Гулямов. По данным эпиграфики он считает склеп могилой Джахангира [24]. Неполнота архитектурных описаний и обмеров в публикациях обоих исследователей дают нам повод, не касаясь вопроса истории памятников, опубликовать некоторые личные наблюдения.

Мавзолей Хазрет-и-Имам — сооружение довольно загадочное и сложное для изучения. Любопытно, что первоначально он был самостоятельной постройкой, как можно заключить из некоторых его особенностей, и лишь впоследствии был замурован в толщу пилона, который обнимает его плотной массой с юга и запада и сравнительно тонкой стеной (может быть, только облицовкой) с севера, где к его основанию примыкают постройки XX в. — мечеть и медресе. Все в целом образует своеобразный и живописный ансамбль.

План мавзолея — квадратный с четырьмя нишами (рис. 18) довольно неправильной разбивки. Квадрат стен сведен посредством тромпов к восьмиграннику, затем путем выпуска на угол

кирпича по четыре ряда, образующего примитивный сталактитовый парус, осуществляется переход к шестнадцатиграннику, а выше начинается кольцевая кладка купола. Под куполом прорезаны два окна на север и восток, защищенные алебастровой и деревянной решетками. Мавзолей увенчан вторым — внешним коническим куполом на шестнадцатигранном барабане.

Внутренняя отделка мавзолея находится в плачевном состоянии. Она, видимо, не была завершена (о чем говорят торчащие кое-где из стен брусья-пальцы) и, кроме того, сильно пострадала от времени. Это была алебастровая декорация. Неглубокие, но очень высокие ниши имеют сталактитовое завершение (рис. 19, 20). Декоративный алебастровый купол, укрепленный на выпуске арчевых бревен, скрывал конструкцию покрытия. Сохранился (и то не полностью) лишь один из подкупольных сталактитовых парусов (рис. 22); по трем другим углам обнажена конструкция тромпа в форме перспективных арочек (рис. 23).

Уцелевшая на уровне окон штукатурка и сталактиты паруса покрыты мелкой изящной росписью синей краской. Под полочкой, венчающей стены на уровне окон, идет широкая надпись также синей краской, а ниже виден небольшой участок орнаментированной шестиконечными звездами и ромбами стены. Стена снабжена насечкой, нанесенной как будто с целью оштукатуривания наново. Сталактиты и штукатурка тимпанов темносерого тона лишены росписи; здесь белый грунт под роспись, видимо, еще не был нанесен, что подтверждается незаконченностью рельефной декоративной сетки по сторонам ниш.

Нижняя часть стен сильно пострадала от почвенных солей, и штукатурка ее облупилась; здесь насчитывается три слоя штукатурки, а в михрабе, лишенном сталактитов, — шесть.

Пол, покрытый плотным слоем алебастрового раствора, видимо, сделан позднее. Можно высказать предположение, что он был некогда выстлан мраморными плитами, так как близ северо-западного угла мавзолея сохранилась плита серого мрамора, уложенная по жженому кирпичу выше современного уровня пола. Но первоначальный уровень пола был, вероятно, много ниже современного.

Что касается внутренних пропорциональных отношений, то в данном случае нехватает около метра для того, чтобы высота стены до венчающей полочки превышала вдвое ширину помещения. Может быть, первоначально и были таковы пропорции мавзолея?

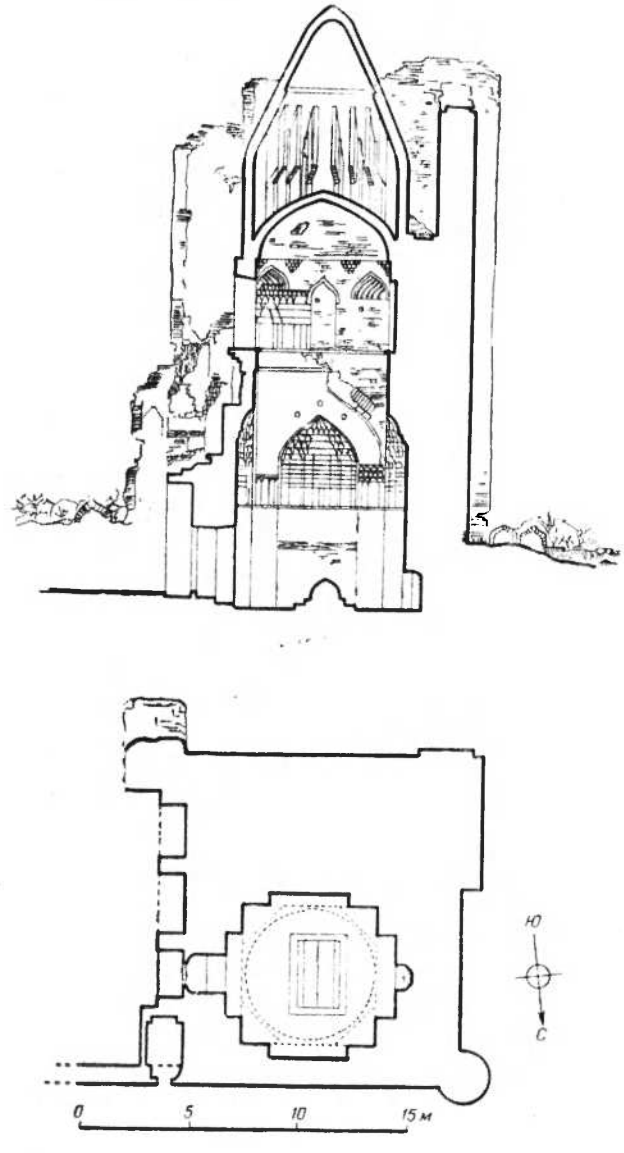

Рис. 18. Мавзолей Хазрет-и-Имам. План и разрез

Надгробие из жженого кирпича с алебастровой штукатуркой явно выполнено позднее. У стен лежат четыре, очевидно, подлинных намогильных камня. Высеченные из серого мрамора в виде стрельчатого сводика, они покрыты резным письмом и орнаментом.

По своему облику мавзолей чрезвычайно интересен. Нужно отметить прежде всего высотный принцип композиции: при ширине помещения в 6 *м* с небольшим высота постройки до внутреннего конструктивного купола достигает почти

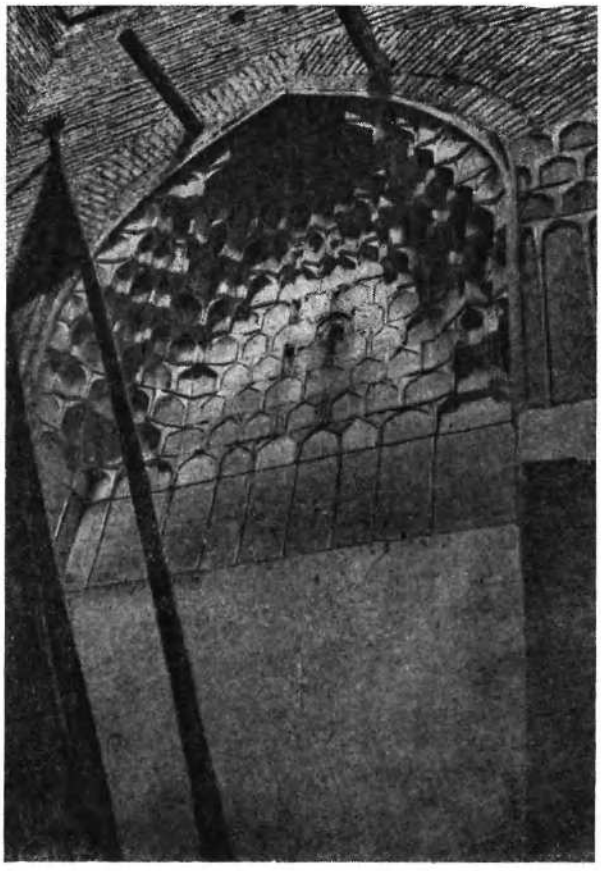

Рис. 19. Интерьер мавзолея. Западная ниша

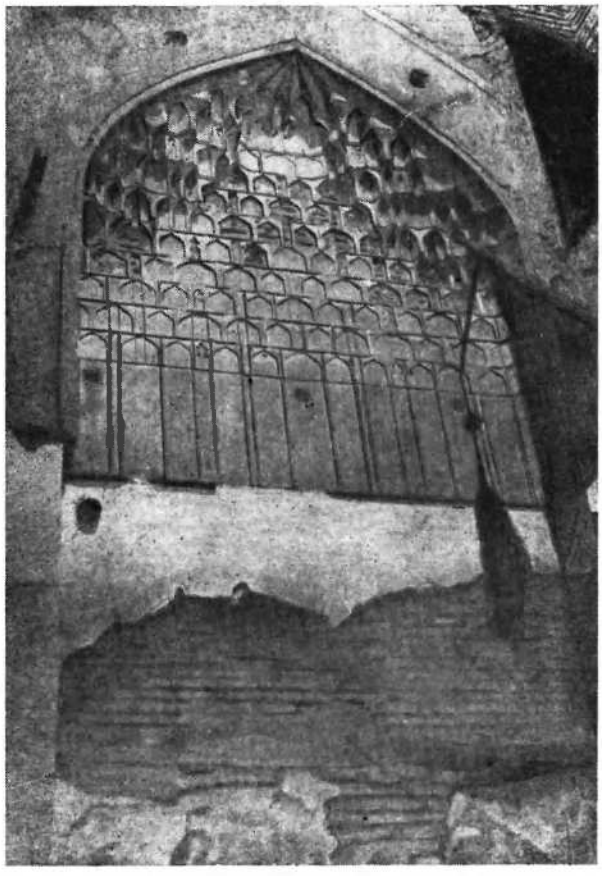

Рис. 20. Интерьер мавзолея. Южная ниша

20 *м*. Ни в одном другом мавзолее Средней Азии не выражена в столь резкой форме высотная тенденция (отношение ширины к высоте внутреннего пространства 1 : 3).

Интерьер мавзолея производит совершенно особенное впечатление: нижняя часть помещения тонет в полумраке и лишь высоко наверху, под самым куполом, сквозь окна проникает слабый свет. Поэтому сумерки наступают здесь уже в 3 часа пополудни.

Существенной особенностью архитектуры здания является также внешний шатровый купол. Этот вид покрытия, широко распространенный в мавзолеях северных областей Средней Азии, не привился в Мавераннахре, где такое покрытие встречается лишь в двух монументальных сооружениях — Хазрет-и-Имам и Чашма-Аюб в Бухаре.

Между тем характером своих форм — планом, стройностью внутреннего пространства, постановкой купола, мавзолей Шахрисябза тяготеет к памятникам Куня-Ургенча, таким как мавзолей Фахр-ед-дин Рази и Текеша.

Г. А. Пугаченкова по характеру формы покрытия считает возможным предположить участие в его постройке хорезмских мастеров. Но по типу внутреннего пространства Хазрет-и-Имам может быть сопоставлен разве лишь с башенными мавзолеями северного Хорасана (особенно с башней в Кишмаре).

Наружный осмотр здания убеждает в разновременности происхождения его частей.

Высокие южная и западная стороны пилона, а также более низкая северная стена покрыты облицовкой из обожженного кирпича с куфической орнаментальной надписью цветными изразцами (синий, белый, голубой). На южной стене облицовка сохранилась плохо.

Восточная сторона несла два яруса ниш, вверху совершенно разрушенных. Тем не менее

Рис. 21. Интерьер мавзолея. Вид купола снизу

Рис. 22. Сталактитовый парус мавзолея

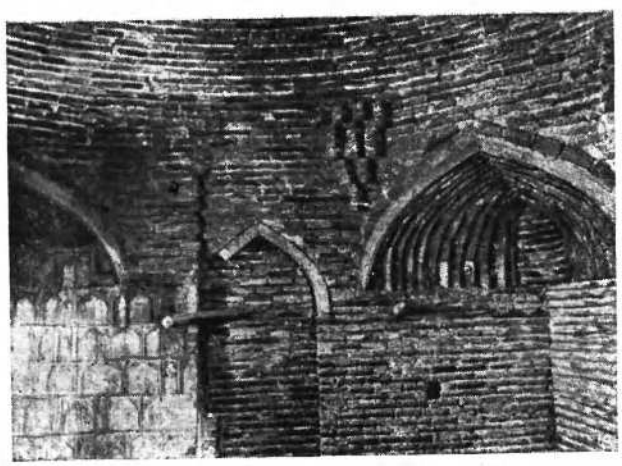

Рис 23. Тромп мавзолея

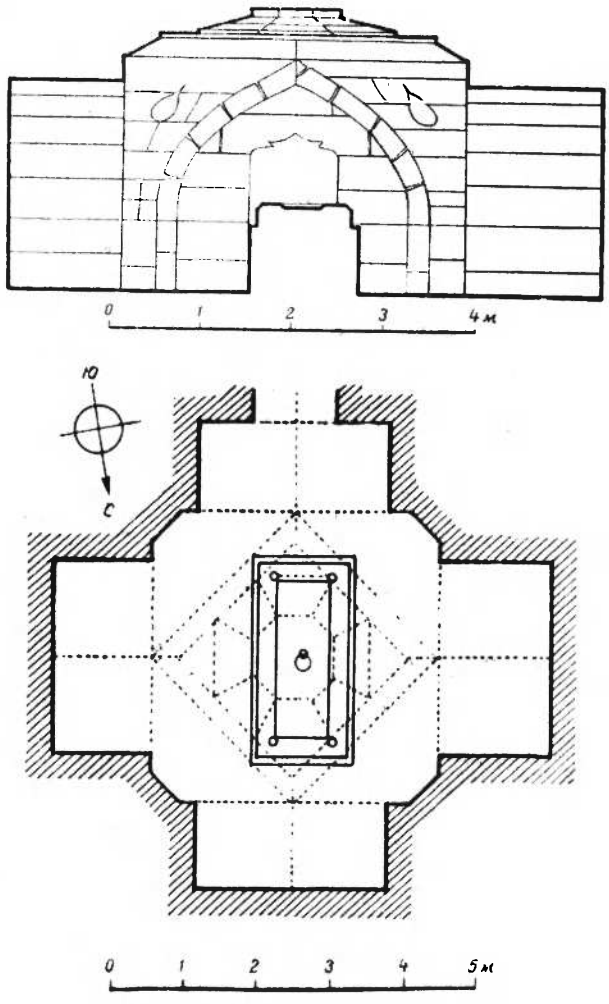

Рис. 24. Склеп. План и разрез.
Обмер автора и Г. И. Гаганова

видно, что по второму ярусу шла обходная узенькая галерея, разрезающая простенки ниш, как это принято было позднее в строительстве дворовых аркад медресе. Ниши восточной стены разбиты асимметрично. Вход мавзолея сдвинут к северу и за ним ниши обрываются — не было их, повидимому, и на продолжении северной стены, выступающей метров на пять.

Эти неувязки не могли иметь места при одновременности постройки. В двух нишах уцелели фрагменты сталактитовых полусводов того же типа, что и внутри — эта стена, видимо, составляла одно целое с мавзолеем.

Осмотр южной стороны пилона показал, что она как будто состоит из двух разнородных частей. Вверху видна арка, наполовину скрытая кладкой, причем обе части стены лежат в одной плоскости; внизу под облицовкой проступает трещина. По восточному срезу идет вертикальный закругленный выем, оставленный, видимо, винтовой лестницей. Западная часть стены ровная и покрыта правильной сеткой отверстий от брусьев (пальцев). Сохранился маленький выступ щипцовой стены. Второго пилона нет.

Впечатление разнородности элементов постройки подтверждается промером кирпича [25].

Видимо, история мавзолея очень сложна. Здесь прослеживаются два, а может быть, и три строительных периода.

Ввиду своей чрезмерной высоты мавзолей едва ли стоял отдельным объемом. Вероятно, ниши его восточного фасада (по две от входа) выходили в какое-то помещение, может быть, в открытый дворик. Что касается южной стены пилона, то отчетливо видна ее неоднородность, что согласуется с рассказом Клавихо о разрушении и перестройке портала по приказу Тимура [26].

Археологическое исследование поможет выяснить историю Маркад-и-Хазрет-и-Имам.

Совершенно уникальным в своем роде произведением является склеп (рис. 24). Он весь скрыт под землей и не отмечен непосредственно никакими внешними остатками. Это небольшое крестообразное в плане помещение, целиком, включая пол, облицованное плитами прекрасного белого мраморовидного известняка. Камень мягок и легко царапается ногтем, матовая его фактура исключительно приятна, видны следы инструмента, которым обтесывался камень. Ниши неравной глубины покрыты стрельчатыми сводами. Перекрытие центрального пространства весьма своеобразно и лишь условно может быть названо куполом. Кривые арок соединяются каменными плитами. Получившиеся таким путем паруса сводятся наверху в квадрат, углы которого совпадают с вершинами арок. На квадрат опирается восьмигранная фигура в виде плоской усеченной пирамиды. Кривизна сводов и парусов начинается непосредственно от панели 75 *см* высотой, плиты облицовки очень узкие и длинные, толщиной 10—12 *см*. Под камнем скрыта основная конструкция из жженого кирпича, к которой облицовка приморожена алебастровым раствором. Единственным декоративным элементом являются надписи, выполненные на камне резьбой округлого рельефа. Орнамент отсутствует. Надписями покрыты архивольты арок, причем в пятах ленты письма соединяются между собой горизонтальными полосами. Паруса средокрестия украшены медальонами каплевидной формы, которые

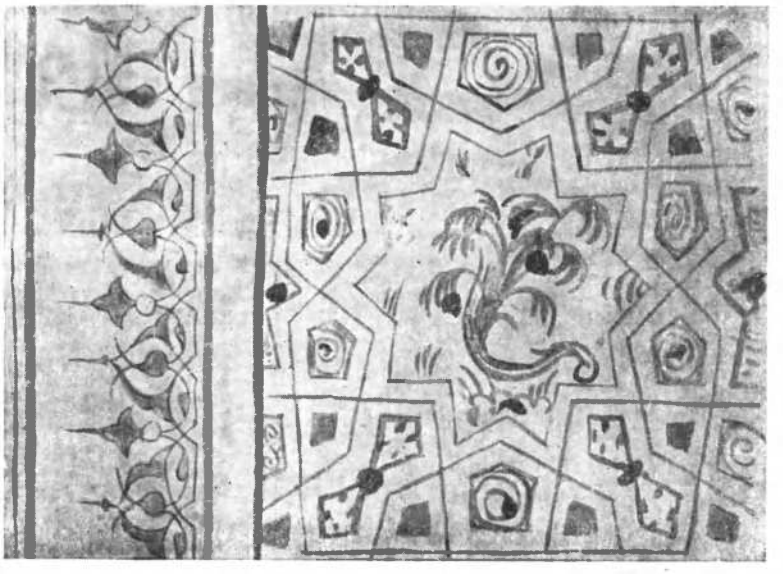

Рис. 25. Гумбаз-и-Сейидан. Роспись стены. Копия Г. И. Гаганова

также заполнены надписями. На щипцах восточной и северной арок помещаются заключенные в прямоугольную рамку тексты; в щипце западной ниши, преимущественное назначение которой подчеркнуто ее большой глубиной, письмом заполнена фигура в виде михраба, в этой же нише сплошь заполнены письмом первые два камня свода. В глубине южной ниши начинается ход, проем которого вверху имеет фигурное очертание. Ход засыпан землей (в склеп попадают, расчищая землю и поднимая центральный камень покрытия).

Пространство склепа рассчитано только на одно надгробие. Посредине помещается саркофаг из того же камня, что и облицовка, сложенный из четырех плит (продольные 20 *см* толщины, короткие — 10 *см*). Крышка из цельного камня с пятью железными кольцами прислонена к гробу. По срезу крышки идет надпись того же стиля, что и на камнях облицовки.

Нельзя назвать это небольшое сооружение роскошным или великолепным. Но строгая красота, оригинальность материала, своеобразие замысла и благородство стиля ставят это произведение в ряд наиболее ценных памятников среднеазиатского зодчества. По своему характеру склеп остается единственным в Средней Азии; неизвестны аналогии также и в архитектуре зарубежных стран.

Мы не ставим целью настоящей статьи разбор каждого из вышеназванных памятников

Рис. 26. Гумбаз-и-Сейидан. Фрагмент росписи паруса Копия Г. И. Гаганова

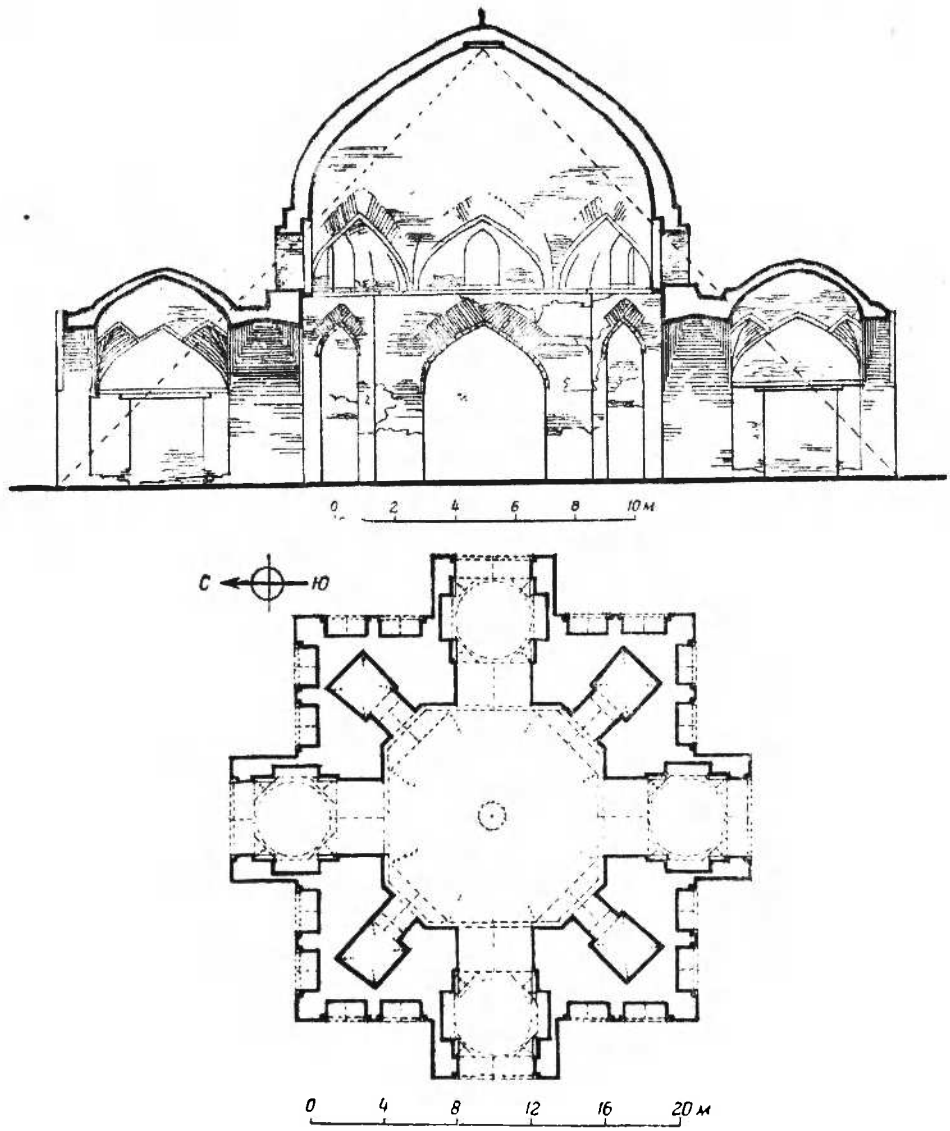

Рис. 27. Чорсу. План и разрез (обмер Г. И. Гаганова)

Шахрисябза. Приведем лишь несколько образцов замечательной росписи—в мавзолее Гумбази-Сейидан (рис. 25, 26). Роспись полихромная, но сдержанной гаммы в четыре краски: синяя, красная, желтая, и черная по белому полю.

В заключение посвятим несколько слов одному из поздних сооружений города, которое тем не менее заслуживает быть отмеченным, как образец гражданского зодчества.

Это так называемый «чорсу», т. е. базарный купол на перекрестке улиц (рис. 27). По свидетельству А. А. Куна, он построен местным правителем Бик-Ниязбеком в 80-х гг. XVIII столетия [28].

Памятники общественного назначения Средней Азии все еще незаслуженно мало пользуются вниманием исследователей, тогда как они представляют значительный интерес по конструкциям и по архитектурным формам. Крытые рынки «тим» и чорсу воплощают в себе достижения строительной техники своего времени и поражают разнообразием часто весьма эффектных приемов объемного решения. Прекрасный образец этого рода зданий — тим Абдуллахана в Бухаре

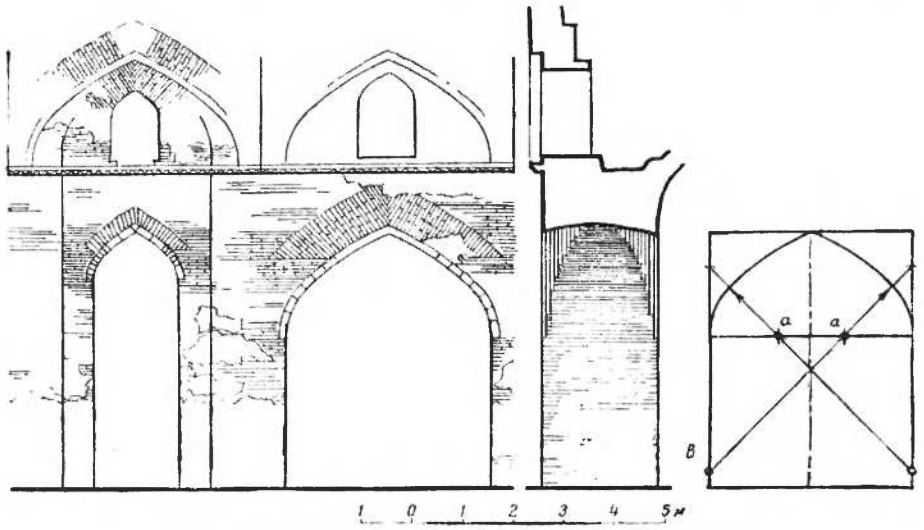

Рис. 28. Чорсу. Детали (обмер Г. И. Гаганова)

(XVI в.) обладает мастерски продуманным, сложным и красивым рисунком плана, где центральный восьмиугольник, окруженный галереей, заключен в общий квадратный контур с тремя входными порталами. Покрытие здания составляет целую группу куполов и куполков с основанием от восьмиугольника до треугольника, а все в целом дает великолепную архитектурно-пространственную композицию. Три сохранившихся из пяти базарных куполов Бухары того же периода носят по форме совершенно различный характер и построены на четырех-, шести- и восьмиугольном плане, где главное пространство окружено рядом вспомогательных помещений [29].

Чорсу в Шахрисябзе поставлен на пересечении двух главных улиц, разрезавших город с севера на юг и с востока на запад. Рисунок плана прост и четок: это квадрат со стороной, равной около 21 м, четырьмя выступающими порталами и небольшими камерами в угловых массивах стен. Фасады оформлены нишами и оставлены в кирпиче, без штукатурки. Внутреннее пространство покрыто куполом, который от неравностороннего восьмиугольника в основании переходит на кольцевую кладку путем коротких ребер. Основание купола подчеркнуто полочкой, откуда начинаются четыре плоские арки-ниши и угловые конструкции, представляющие нечто среднее между аркой и парусом (каковые наблюдаются нередко также в банях). Арки вкомпонованы в основание купола, в них прорезаны окна. Стены и купола оштукатурены ганчем, причем единственную орнаментацию составляет бордюр «занджира», обегающий полочку. Четыре меньшие купола обычной конструкции покоятся на щитовидных парусах.

Пролет зала равен 11,85 *см*, расстояние между крайними точками плана — до 28 *м*, высота до зенита главного купола — 14 *м*, пролет больших арок — 4 *м*. Здание сложено из жженого кирпича со стороной равной 24,5—25 *см* и толщиной 4,5—5,5 *см* (10 рядов кладки составляют 73—77 *см*).

Следует отметить конструктивные детали — любопытную систему кладки арок (рис. 28), обнаженную кое-где отпавшей штукатуркой. Обычная клинчатая кладка сочетается с клад-

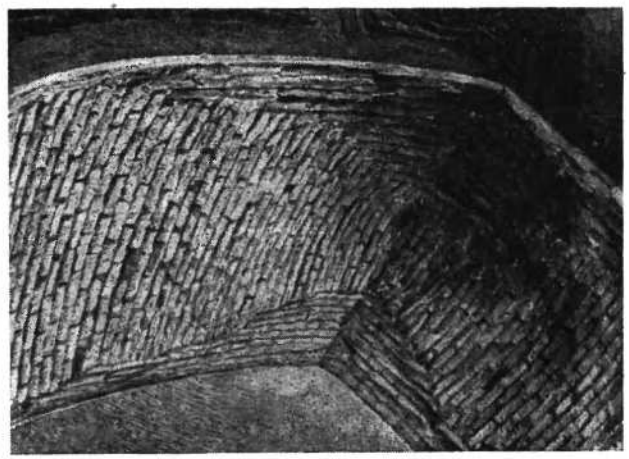

Рис. 29. Чорсу. Конструкция большой арки

кой поперечными отрезками из половинного кирпича. В больших арках отрезки занимают по фасаду всю дугу и постепенно укорачиваются в массиве кладки (рис. 28, 29). Кроме того, шелыга арки образует ясно заметный изгиб кверху: для увеличения прочности конструкции (рис. 29), создавая нечто вроде свода двоякой кривизны. Это явление наблюдается в ряде памятников Средней Азии позднего средневековья. Комбинация в арках и сводах двух методов кладки составляет весьма распространенный прием. В архивольтах малых арок кладка поперечными отрезками перемежается с клинчатой. В арках больших и малых, а также в тромпах слой поперечных отрезков является как бы кружалами для идущей поверх клинчатой кладки. При этом в больших внутренних проемах поперечные отрезки включены по обе стороны стены, а в прочих лишь по внутренней грани.

Композиция здания в целом подчинена простой и строгой пропорции. Высота главного зала до полочки составляет половину его поперечника; зенит главного купола совпадает с вершиной прямоугольного равнобедренного треугольника, основание которого соответствует полной ширине здания (рис. 28). Контур больших арок построен методом, употребляющимся и в наши дни.

Система покрытия главного зала с его утопленными в купол арками совершенно отлична от форм, упомянутых выше бухарских чорсу XVI в. Можно подумать, что строители руководствовались, главным образом, традициями собственного города, поскольку имеется нечто сходное в конструкциях Кок Гумбаз (1437 г.), где тромпы поверх венчающей стены полоски чередуются со сферическими парусами. В местном строительстве, очевидно, широко использовался кирпич от старых разрушающихся зданий, так как размер кирпича чорсу очень близок формату кирпича, употреблявшегося в памятниках XIV—XV вв. и, в частности, совпадает с форматом в Гумбаз-и-Сейидане.

Чорсу является доказательством простого строгого вкуса и высокого профессионального мастерства строителей Шагра.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В 1940 г. Научно-исследовательским институтом искусствознания Узбекистана была организована экспедиция в Кашкадарьинскую область УзССР с целью изучения памятников монументального зодчества и народной жилищной архитектуры, а также обследования мечети в Хазара; часть материалов экспедиции вошла в предлагаемую статью.

[2] А. Ю. Якубовский, Археологическая экспедиция в Зеравшанскую долину, 1934 г., ТОВЭ, II, стр. 137 и след.

[3] Б. Н. Засыпкин, Архитектура Средней Азии, М. 1948, стр. 24 и сл.

[4] E. Prostoff, H. Field. Archaeological investigation in Central Asia 1917—1937, Ars Islamica, 1938 стр. 12.

A. Pope. A survey of Persian art. London — New Jork, 1938, II, стр. 945, рис. 330.

[5] В. Л. Воронина, Каменная колонна, Труды САИИ, вып. 4, Ташкент, 1939, стр. 60.

[6] Подобная же профилировка куполов в виде луковицы наблюдается иногда и в постройках последних веков — в банях, т. е. именно там, где также нужно оставить окно в зените. Прием этот преследует, следовательно, конструктивную цель.

[7] В. А. Шишкин, Курган Чор-Сутун в развалинах старого Термеза, Труды АН УзССР, сер. I, т. II, Ташкент, 1945. Его же, Мечеть Магаки Аттари в Бухаре, Труды АН УзССР, Материалы по археологии Узбекистана, т. I, Ташкент, 1948.

[8] «Материалы по истории и археологии СССР» № 15, Л. 1951, стр. 49.

[9] A survey of Persian art. II, стр. 945, Н. И. Брунов. К вопросу об истоках русского зодчества, «Вестник АН СССР» № 6, 1944, стр. 58. Реконструкция храма огня близ Гира, опубликована Герцфельдом в „Archaeological history of Iran" ,London, 1935, рис. 12, 13.

[10] В. В. Струве, Родина зороастризма, «Советское востоковедение», V, М.—Л. 1948.

[11] Г. А. Пугаченкова, Архитектура среднеазиатской античности. «Вестник древней истории» № 4, 1951, рис. 3.

[12] М. И. Ильина, Древнейшие типы жилья Закавказья, М. 1946, стр. 35, 36. О. Х. Халпахчьян. Архитектура армянских трапезных, настоящий сборник.

[13] Л. И. Динцес опровергает сделанное Н. И. Брунновым сближение храма в Арконе с хазаринской мечетью. См. Н. И. Брунов, цит. соч., стр. 55; Л. И. Динцес, Дохристианские храмы Руси, «Советская этнография» № 2, 1947, стр. 73.

[14] E. Herzfeld, цит. соч., стр. 93 „A survey of Persian art", стр. 946.

[15] K. Erdmann, Das iranische Feuerheiligtum, Leipzig, 1941, рис. 10.

[16] См. публикуемую в сборнике статью А. М. Прибытковой.

[17] А. М. Прибыткова, Мавзолей Абуль-Фазля в Серахсе, сборник «Архитектура республик Средней Азии», М. 1951.

[18] В. А. Шишкин, Из археологических работ на Афрасиабе, Известия УзФАН. Ташкент, № 12, 1940, рис. 2.

[19] «Материалы и исследования по археологии СССР» № 15, Л. 1951, табл. 18, 19.

[20] Находится в археологической коллекции АН ТаджССР.

[21] Наршахи, История Бухары; Перевод Лыкошина, Ташкент, 1897, стр. 30—31; Г. В. Григорьев, Зороастрийское костехранилище с кишлаке Фринкент под Самаркандом. Вестник древней истории № 2, 1939.

[22] Б. Н. Засыпкин, Архитектурные памятники Средней Азии. Проблемы исследования и реставрации, сборник «Вопросы реставрации» М. 1928, стр. 264.

[23] Г. А. Пугаченкова, К вопросу о реконструкции ансамбля Дорус-Сиадат — тимуридской усыпальницы в Шахрисябзе, Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана, М. 1950.

[24] Я. Г. Гулямов, Склеп Джахангира в Шахрисябзе, Известия АН УзССР, № 2, 1949.

[25] Внутри кладка из жженого кирпича 26×26×6 *см*; 10 рядов кладки по высоте составляют 82—84 *см*. В арках первого яруса восточного фасада — кирпич 25×25×6 — 7 *см*, 10 рядов — 80, 81 *см*; второго яруса — кирпич 23×23×6 *см*, 10 рядов — 73 — 75 *см*. На юго-восточном углу и восточной части южной стены пилона кирпич 23×23×5 — 6 *см*, 10 рядов — 76 *см* (в верхней части примешивается более крупный кирпич). В западной части той же стены картина меняется — кирпич 26×26×5—6 *см*, 10 рядов — 86 *см*. Западная стена характеризуется колебанием размеров — кирпич при толщине 5 *см* имеет в стороне 24—29 *см*, 10 рядов — 90 *см*. Кладка барабана такого же кирпича (10 рядов — 85 *см*) как будто подтверждает версию о перекладке, высказанную Засыпкиным и Пугаченковой. На северной стене кирпич опять-таки 23×23×6.

[26] Рюи Гонзалес де Клавихо, Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг.; перевод И. И. Срезневского, Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии наук, т. XXIII, СПБ, 1881, стр. 233.

[27] Копии выполнены Г. И. Гагановым.

[28] А. А. Кун, Очерки Шагрисебского бекства, Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии, т. VI, СПБ, 1880, стр. 223.

[29] В. А. Шишкин, «Архитектурные памятники Бухары, Ташкент, 1936; Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель, Бухара, М. 1949; В. М. Дмитриев, Композиционные особенности бухарской архитектуры второй половины XVI в., Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана, М. 1950.